

«Лишние» глаголы в итальянском тексте – риторика или грамматика?

При двустороннем переводе часто происходят трансформации смысла, при которых говорящий/ пишущий вынужден добавлять, эксплицировать одни элементы смысла и, наоборот, опускать, устранять другие его элементы. Некоторые трансформации при этом носят обязательный грамматический характер и они, как правило, неплохо описаны в соответствующих контрастивных грамматиках и пособиях по переводу. Другие трансформации связаны с явлением, названным В.Г. Гаком «нормой речи» (Гак 1998, с. 554 и след.) и во многом обусловлены контекстом. Необязательный характер таких трансформаций часто позволяет переводчику пренебрегать ими, копировать оригинал, в том числе, вопреки узусу родного языка. Под узусом мы понимаем естественное употребление языкового средства, связанное с выбором наиболее адекватной единицы из множества возможных синонимичных языковых средств. Необходимость описания правил такого выбора важна для эффективного преподавания иностранного языка, поскольку для говорящего на чужом языке всегда актуальна проблема естественности, так как репертуар языковых единиц в его распоряжении ограничен, и сумма правил, которой он руководствуется при их употреблении, заведомо не является полной.

Несмотря на очевидные трудности определения особенностей языкового узуса, представляется, что на основе сплошного анализа достаточно большого корпуса примеров (более семидесяти оригинальных текстов на двух языках и их переводов) можно выделить определенные тенденции построения итальянского текста в сравнении с русским. Одна из таких тенденций заключается в том, что русский текст в значительно большей степени имплицитен и отличается неявным характером связи между частями. Это объясняется в первую очередь особенностями грамматической системы русского языка (*pro-drop language*), допускающей возможности пропуска слов. На уровне текста в данном случае можно говорить о тенденции к сокращению, пропуску элементов смысла, о своего рода «смысловых лакунах», существующих в русском тексте с

точки зрения итальянского языкового сознания. Это относится прежде всего к глагольным элементам высказывания и текста. Укажем кратко на наиболее часто встречающиеся случаи наличия / отсутствия предикатных групп.

– В русском тексте часто отсутствуют указания на ясные из контекста обстоятельства совершения действия:

И отправились лиса и дрозд на большую дорогу: дрозд летит, лиса вслед бежит. **Ø** Увидел дрозд, что идет старуха с внучкой, несут корзину пирогов и кувшин меду. (Сказки)

La volpe e il tordo si avviarono per la strada maestra: il tordo volando e la volpe seguendolo di corsa. Qui giunti, il tordo vide una vecchietta che andava con la nipotina portando un paniere colmo di pasticcini e una brocca di miele.

То обстоятельство, что *дрозд* увидел *старуху с внучкой* уже на *большой дороге*, для русского читателя является имплицитным элементом смысла, а для итальянского эксплицируется с помощью причастного оборота с анафорическим местоимением *qui giunti*.

– В русском тексте стативное описание, характеристика часто дается без указания на участие деятеля, управляющего ситуацией, поскольку контекст однозначно указывает на актант, производящий действие. Ср.:

А он увидел меня, **Ø** рот до ушей. (Акунин) E lui mi vede e subito mi fa un sorriso a tutti denti.

– В случае обозначения процессов, происходящих без активного каузатора, в русском тексте итоговая фаза входит в толкование в виде импликации. «Человек может сказать про бельё, что оно *сохнет*, – отмечает Е.В. Падучева, – если он имеет в виду ситуацию, с естественным концом «*высохло*»; в противном случае он скажет, например, *Бельё висит на веревке* или *Бельё развевается на ветру*» (Падучева 1996, с.19). В итальянском же тексте часто происходит разложение на актуальное состояние и конченную фазу процесса, которая принимает вид обстоятельства цели. Ср.:

На перилах крыльца сушились детские пеленки. (Меттер) Sulla balaustra del terrazzino erano stesi ad asciugare pannolini da bambini.

La giacca che si trova ad asciugare sullo schienale di una sedia. (Lunari)
Пиджак сохнет на спинке стула.

При обозначении активного действия в итальянских текстах часто используются глаголы движения в полуслужебной функции

эксплицирующие предшествующий этап действия как необходимое условие его выполнения. Ср.:

Ma sua moglie non c'era, era già andata a preparare il caffè. (Cerami)
Жены рядом не оказалось, она готовила кофе.

Per fortuna due o tre volte al giorno dovevo uscirne a consegnare libri a domicilio. (Culicchia) К счастью, два-три раза в день мне надо было разносить книги по домам.

Кодификация в функции обстоятельства цели инфинитивных конструкций в целом характерна для итальянских текстов, тогда как в русских преобладает сирконстантная модель, в центре которой находится предмет (см. Говорухо 2007). Ср.:

Монета взвилась и упала, звеня; все бросились к ней. (Лермонтов)
La moneta volteggiò e cadde tintinnando. Tutti accorsero per vedere Ø.

– Введение дополнительных глаголов может быть связано с субъектно-объектными трансформациями, целью которых является сохранение кореферентности первых актантов в смежных предложениях (см. подробнее Govorukho 2003). В этой функции выступают прежде всего предикаты перцептивной и каузативной семантики. Ср.:

Un giorno che la ragazza ti faceva respirare l'aria buona ... incontrò il Barone rientrato inaspettatamente (Pratolini). Однажды, когда девушка принесла тебя подышать свежим воздухом ... барон неожиданно возвратился домой.

Заглянет в её маленький телевизор политический обозреватель – а она почками лакомится. (Горенштейн) Quando sullo schermo del suo piccolo televisore faceva capolino un commentatore politico, poteva vedere Eudochia gustarsi i suoi rognoni.

– Наличие дополнительных перцептивных глаголов в итальянском тексте может быть вызвано более высокой степенью его авторизации: здесь часто присутствует дополнительный структурно-семантический план, указывающий на субъект восприятия (Золотова 1973, с. 272). В русском тексте субъект восприятия чаще остается «за кадром», совпадая с говорящим/ повествователем. Ср.:

Il Corte si accorse che a una finestra di fianco alla sua stava affacciato un uomo. (Buzzati) Ø Тут из окна соседней палаты высунулся мужчина.

Эксплицитное обозначение наблюдателя характерно и для итальянских конструкций с обобщенно-личным субъектом:

Una mappa deve servire a cercare la strada, e quando cammini *tu non vedi* la terra rotonda, ma piatta. (Eco) Карта служит для того, чтобы искать дорогу к цели, а *дорога тянется* по земле, как плоская лента.

В рамках данной статьи мы подробнее остановимся на том употреблении итальянских глаголов, которое венгерский итальянист Дж. Херкцег назвал «риторическим». В работе, посвященной способам введения косвенного вопроса в итальянской прозе двадцатого века, Херкцег приводит, в частности, следующий пример из Л.Пиранделло: *La signora Léuca rimane a pensare a lungo questa sera, e si domanda che cosa quelle bambine abbiano già per lei più delle altre che finora ha soccorso* (Pirandello цит. по Herczeg 1972, с. 457). Глагольная форма *si domanda* служит, по мнению Дж. Херкцега, своего рода связкой, помогающей избежать зияния, и является факультативным элементом, элементом скорее риторической структуры высказывания. В другом месте той же работы Дж. Херкцег указывает на чисто «грамматический» характер употреблений глагола *vedere*, позволяющего вводить косвенный вопрос после предложений со сказуемым – глаголом действия. Он приводит буквальный перевод с венгерского: [*Imre e Évi nel bosco invernale*], *raccoglievano silenziosi i rami secchi. Si spostavano da un albero all'altro. Dove dalla neve usciva l'estremità di un ramo, gli davano un calcio, se era lungo*. На итальянский язык, отмечает Херкцег, эту фразу следовало бы перевести следующим образом: «*gli davano un calcio per vedere se era lungo*» (Herczeg 1972, с. 461).

Сравнительный анализ итальянских и русских переводов (всего было собрано немногим более 200 примеров) показал, что в итальянском тексте присутствует больше глаголов, которые на первый взгляд, имеют скорее строевую а не смысловую функцию. Представляется, однако, что это является частным случаем более общего явления, а именно – стремления итальянского языка к максимально высокой степени экспликации модусных элементов высказывания, которые в русском тексте присутствуют в виде своего рода «скрытых смыслов».

Известно, что общая форма модального отношения наполняется конкретным смыслом за счет лексемы подчиняющего пропозицию предиката: предиката пропозициональной установки. Обычно выделяют перцептивные, ментальные, эмотивные и волитивные глаголы пропозиционального отношения (см. Арутюнова 1999, с. 411-449). Особую группу образуют глаголы речи (см. Говорухо 2005). Ниже мы остановимся подробнее лишь на модусах эмоционально-ментального и перцептивно-ментального плана.

Эмотивы, как уже отмечалась в литературе, не способны присоединять пропозицию в форме косвенного вопроса (Падучева 1988). Когда модус выражает эмоциональное состояние субъекта, его отношения с ситуацией, вызвавшей это состояние, интерпретируются скорее как каузальные, а не как дополнительные, то есть не носят модального характера. Вместе с тем, событие и эмоция соединяет ментальный акт, то есть осознание субъектом той ситуации, которая вызвала эмоциональное состояние. Например, глагол 'удивляться', описывающий эмоционально-ментальную реакцию, подчиняет косвенный вопрос только в эпистемическом значении 'не понимать': *Удивляюсь, как тебе это удалось*. Ср.:

Германн принял её за свою старую кормилицу и удивился, что могло привести её в такую пору. (Пушкин)

Придаточное предложение в данном случае отличается от обычного диктального дополнения, оно отделено от главного паузой, и приближается к автономному высказыванию с самостоятельной интонацией. Такое «свободное» соединение не характерно для итальянского языка, и в четырех переводах из восьми появляются дополнительные глаголы пропозициональной установки *domandarsi/ chiedersi*:

Hermann la prese per la sua vecchia balia, e *si stupì*, *domandandosi* che cosa potesse averla condotta lì a quell'ora. (пер. L.Ginzburg и C. S.Janovic)

Ghermann la scambiò per la sua vecchia nutrice e *si domandò stupito*, che cosa potesse condurla a quell'ora. (пер. S.Polledro)

Hermann la scambiò per la sua vecchia governante e *si chiese stupito* che cosa mai potesse cercare a quell'ora. (пер. B.Del Re)

Позиция диктума при глаголе-эмотиве факультативна, поскольку эмоциональное состояние естественно мотивируется указанием на вызвавшую его причину, а причинно-следственная связь в синтаксическом отношении является «слабой» и необязательной. В итальянских примерах при введении пропозиционального глагола *domandarsi* на смену несобственно-прямой речи оригинала приходит косвенная речь, между модусом и пропозицией возникает сильная дополнительная связь, маркируемая сослагательным наклонением. При этом указание на причину исчезает, а глагол *stupirsi* приобретает значение абсолютного признака (*si stupì – stupito*). Дополнительный модус выражает именно ментальную составляющую эмоциональной реакции, не случайно внутренняя речь регулярно передается в русском тексте предикатами ментальной семантики. Ср.:

Ты лучше подумай, почему это ты вдруг с мертвецом разговариваешь? (Пелевин) Ma tu domandati perché stai parlando con un cadavere.

Экспликация ментального акта является, по-видимому, основной речевой стратегией в таких случаях, а синтаксическое оформление вопроса в виде зависимой пропозиции носит факультативный характер. Ср. в следующем примере введение дополнительного глагола *interrogarsi*, синонимичного модусам *domandarsi/ chiedersi*, при сохранении структуры конструкции:

А потом *snoхватилась* [Авдотьюшка] кто ж передачу принёс? (Горенштейн) Ma poi *si riprese* e si interrogò: ma chi poteva aver portato il sacco?

Возвращаясь к примеру из «Пиковой дамы», отметим наличие двух вариантов перевода с глаголом *meravigliarsi*, в структурном отношении идентичных оригиналу, что позволяет рассматривать варианты с дополнительным пропозициональным глаголом типа *domandarsi/ chiedersi* не как проявление жесткого правила введения предиката определенного типа, но лишь как тенденцию в коллективном языковом узусе, подкрепленную лексико-синтаксическими особенностями конкретного предиката. Ср.:

Hermann pensò che fosse la sua nutrice e *si meravigliò*, Ø che cosa l'aveva mai spinta a venire lì... (пер. R. Molteni Grieco)
Hermann la prese per la sua vecchia nutrice e *si meravigliò*; Ø che cosa poteva averla condotta lì a una tale ora? (пер. E.Lo Gatto)

В последнем примере наличие дwoеточия практически превращает сложное высказывание в конструкцию с прямой речью, что ещё более усилено в следующем варианте перевода, где отсутствуют глаголы как ментальной, так и эмотивной семантики, но просодически и пунктуационно оформлен независимый иллокутивный акт вопроса:

Hermann la prese per la sua vecchia nutrice; ma che cosa poteva condurla là a quell'ora? (пер. T.Landolfi)

Наконец, в восьмом варианте перевода мы наблюдаем устранение вопроса даже в его косвенной, «внутренней» форме и его замену на придаточное дополнительное:

Germann la prese per la sua vecchia nutrice e *si stupì* che qualcosa potesse averla portata lì a quell'ora. (пер. P.Nori)

Отметим, что при переводах сочетания глагол-эмотив + дикталь-

ное дополнение, также как и при введении косвенного вопроса, можно наблюдать появление дополнительного глагола пропозициональной установки в итальянском тексте и, наоборот, его устранение в русском. Ср.:

...Мы, узнав об этом, были немало *удивлены тем, что* такой офицер получил назначение в наше захолустье. (Гаврилов) Quando lo venimmo a sapere, fummo *sorpresi non poco di vedere* che un ufficiale di tale levatura fosse stato inviato nello sperduto paese in cui ci trovavamo.

Non si stupì di vedere, a cavalcioni del davanzale, il solito ragazzino che, immobile, guardava il mare. (Baricco) Его вовсе *не удивило, что* на подоконнике сидел прежний мальчик и смотрел на море.

Дело в том, что эмотивы в итальянском языке не только не способны подчинять косвенный вопрос, но и с трудом присоединяют другие виды пропозициональных актантов, что при переводе с русского часто приводит к возникновению двухуровневой зависимости:

И *мне* на этот раз *жаль* \emptyset , что Федора нет со мною (Савинков). E questa volta *mi rattrista pensare* che Fedor non è più con me.

Мне только *противно* \emptyset , что Лиза после Феди может так сближаться с чужим человеком (Толстой). *Mi disgusta soltanto vedere* che Liza, dopo Fedja, *possa* essere in intimità con un estraneo.

Смутился дурак и начал *печалиться о том*, как бы прекратить те неприятные слухи? (Тургенев) L'imbecille si turbò e cominciò a *rattristarsi, pensando* a come avrebbe potuto por fine a quelle spiacevoli voci.

Таким образом, в итальянском тексте эпистемическая составляющая как бы удваивается: в качестве дополнительных модализаторов выступают предикаты с перцептивной и ментальной семантикой, и это не случайно, ведь эмоции субъекта связаны с мыслью об объекте, а психические реакции возникают на основе восприятия. Ср. характерное выделение «визуальной» составляющей, мотивирующей чувства, в итальянском тексте и её устранение в русском:

Provai un senso di ostilità vedendo quelle signore inutili e vive ... (Camon) Я вдруг *почувствовал* враждебность к этим живым, но никому не нужным светским дамам.

Подчеркнем, что отсутствие дополнительных модализаторов при эмотивах в русских текстах следует рассматривать в рамках общей тенденции к устранению дополнительных модальных рамок, свя-

занных с субъектом оценки и восприятия. При этом часто исчезает указание на конкретный субъект пропозициональной установки, высказывание приобретает обобщенный характер. Ср.:

E poi, *ho sempre pensato che* si può sempre cambiare idea, magari... invecchiando... (Lunari) В конце концов, я убеждения можно менять – например, с возрастом, когда стареешь.

Mangiai a uno a uno tutti i datteri, e riposi la scatola *pensando che poteva servire* per metterci i guanti. (Ginzburg) Я съела один за другим все финики, а коробку оставила, [...] чтобы класть туда перчатки.

Еще одну группу примеров, где в итальянском варианте можно наблюдать введение дополнительного глагола пропозициональной установки образуют контексты с акциональными предикатами. В русском тексте (и, как следует из второго примера, приведенного Дж.Херкцегом, в венгерском) в этом случае может возникнуть своего рода «разрыв», подобный тому, который наблюдается при соединении модуса-эмотива с вопросительной конструкцией. В итальянском тексте эта проблема решается с помощью присоединения слабого зависимого в виде обстоятельства цели, включающего глагол пропозициональной установки. Ср.:

Poi *si mise in ascolto, per sentire* se c'era qualche vocina (Collodi) Затем он *прислушался* – я не раздастся ли снова стон ...

Girò gli occhi ... intorno alla stanza *per vedere* di dove mai poteva essere uscita quella vocina...! (Collodi) Он начал *водить глазами* по мастерской, чтобы узнать, откуда взялся этот голосок...

Наличие двух вариантов (с экспликацией модуса пропозициональной установки и без подобной экспликации) в переводе одного и того же произведения указывает на факультативность подобного приема для русского текста. В итальянском же оригинале конструкции *per sentire / per vedere* являются необходимым элементом обеспечения когезии. Учитывая близость и пересечение перцептивного и эпистемического модусов, представляется закономерной замена в русском переводе глагола восприятия (*per vedere*) на предикат ментальной семантики (*чтобы узнать*).

Вводящие пропозицию предикаты можно, используя определение Кифера (Kiefer 1981), назвать предикатами «перцептивного поиска»: *прислушиваться, присматриваться, вынюхивать, пошарить, оглядеться, mettersi in ascolto, girare gli occhi (per), fare un'inchiesta (per)*. Их отличает целенаправленность и активность. Ср. эксплицитное указание в итальянском на цель действия и отсутствие такого указания в русском переводе:

Guardai giù, cercando, e non vidi niente. (Vittorini) [Я] *посмотрел вниз* Ø, но ничего не увидел.

Значение *узнавания, выяснения, обнаружения* является типичным для такого рода контекстов:

E allora io *ho parlato* col nipote *per sentire* se lui l'aveva sentita fare "quei versi che *cercavo* io". (Guerra) Тогда я стал *расспрашивать* внука, Ø не слышал ли он «тех напевов, что я ишу».

Vogliamo *fare un'inchiesta* nei bar, *a sentire* se fanno più cioccolate o più miracoli? (Lunari) Давайте *спросим* в баре, Ø чего они больше стряпают: чудес или горячего шоколада?

Воспринимая мир, человек его «прочитывает», то есть получает гораздо больше информации, чем та, которая predeterminedена перцепцией. Наглядное представление о действительности определенным образом осмысливается говорящими. Сама возможность употребления перцептивных глаголов (*видеть, слышать*) в функции глагола пропозициональной установки предполагает наличие у них эпистемического значения. Глаголы, входящие в целевой оборот, можно сопоставить с выделенными Вендлером «ментальными актами» или предикатами мыслительного скачка: *посмотреть, чтобы увидеть, изучать, чтобы понять, прислушаться, чтобы услышать*. Ср.:

...[Он] долго *примеривался* Ø, где может принести больше пользы... (Акунин) ... Aveva *saggiato il terreno per capire* dove poteva essere di maggiore utilità.

Пожав плечами и *оглядевшись* Ø – не забрёл ли сюда кто из социума, – он залез на кочку. (Пелевин) Stringendo le spalle e *guardandosi attorno per assicurarsi che* nei paraggi non ci fosse nessuno della Comunità, salì sul monticello.

Если скрытой целью героя В. Пелевина, эксплицированной в итальянском переводе является *убедиться*, то Никанор Иванович у М. Булгакова пытается *убедить* других в своей невиновности. Ср.:

– Желаете, – промычал он, – *землю буду есть*, Ø что не брал? (Булгаков)

– Volete? – borbottò. – *Mangerò la terra, ma* non li ho avuti. (1)

“Se lo desiderate,” aveva borbottato “*mangerò la terra per dimostrarvi* che non ne ho presa! (2)

- Volete che *mangi la terra* – muggiò /gemette – *per convincervi* che non li ho presi?... (3) (5)

“Volete” muggiò “che *mangi la terra per credere* che non ne prendevo?” 207 (4)

Из пяти приведенных вариантов перевода лишь вариант (1) с противительным союзом не имеет дополнительного глагола пропозициональной установки, что в очередной раз говорит о факультативном, хотя и предпочтительном, характере подобного включения. Варианты (2), (3), (5) – содержат эпистемические каузативы: *dimostrare* – показывать, доказывать и *convincere* – убеждать. В варианте (4) представлена та же конструкция с пропозициональным глаголом, несмотря на явную ошибку переводчика при выборе самого глагола (*поверить* вместо *заставить поверить*).

Ситуация спора, целью которого принято считать *поиск* истины, также характерна для введения косвенного вопроса. Спор возникает при наличии разных мнений, то есть связан с отсутствием общего, разделяемого всеми участниками ситуации знания. Ср. устранение глагола пропозициональной установки при переводе с итальянского на русский и его появление при переводе с русского на итальянский:

Una disputa si accese tra marito e moglie per stabilire dove e da chi Nené avesse appreso le parolacce. (Sciascia) Между родителями *вспыхнул спор* Ø – где и от кого Нэнэ научился выражаться.

Долго *спорили* Ø, кому идти первым в кабинет начальника. (Нагибин) *Discutemmo a lungo per stabilire chi si sarebbe recato per primo nello studiolo del responsabile.*

Дополнительный перцептивный глагол пропозициональной установки может вводиться и после предикатов с семантикой ‘ожидания’, также включающих сему ‘цель’ (анализ семантики глагола ‘ждать’ см. в Зализняк 2006, с. 557-566). В итальянском языке волитивный модус, а также эмоциональная составляющая, присутствующие в семантике данных глаголов маркируются сослагательным наклонением в придаточном. Ср.: *Abbiamo aspettato che le accuse fossero formalizzate in un avviso di garanzia. Attenderò che il treno parta.*

Представляется, что ожидание в подобных контекстах рассматривается как некоторое физическое состояние, при котором ментальная составляющая сочетается с эмоциональным компонентом. Последний «складывается из оценки («хорошо», «плохо») и «переживания»» (Зализняк 2006, с. 431). Иногда ожидание буквально описывается как переживание. Ср.:

Вся наша улица *переживала* – как будут развиваться события? (Довлатов) *Tutta la nostra via stava in ansia a vedere come si sarebbero evoluti gli eventi.*

Значение предиката 'ждать' близко к значению предикатам 'надеяться' и 'бояться' которые имеют «похожее проспективное значение состояния, ориентированного на будущие события (Апресян 1997). Глаголы *aspettare, temere, sperare* также являются эпистемическими глаголами, благодаря компоненту «вероятность» (*я считаю вероятным, что...*) который входит в их семантику. Интересно, что в русском тексте сложный перцептивно-эпистемический модус со значением 'ожидания' может быть редуцирован, трансформирован в сентенциальное наречие со значением *вероятность*:

Chiudo a chiave la stanzetta da letto della donna di servizio e *aspetto di vedere* se mia moglie, trovandola chiusa, decide di venire nel mio letto. (Guerra) Запираю на ключ комнату домработницы: *возможно*, найдя комнату закрытой, она придёт ко мне.

При управлении косвенным вопросом, в качестве дополнительного глагола пропозициональной установки обычно выбирается глагол *vedere*:

Рябов *подождал* Ø не скажет ли Кожин чего-нибудь еще. (Меттер)
Rjabov *aspettò per vedere* se Kozin avrebbe detto ancora qualcosa.

Эраст Петрович *подождал* Ø, не последует ли выстрел... (Акунин1)
Erast Petrovic per un po' *attese per vedere* se sarebbe seguito lo sparo...

Наличие в семантике глаголов типа '*aspettare-attendere*' эпистемического компонента позволяет им непосредственно, без помощи дополнительного глагола пропозициональной установки, управлять косвенным вопросом. Ср.:

Прочие игроки не поставили своих карт, с нетерпением *ожидая*, Ø чем он кончит. (Пушкин)

Gli altri giocatori non avevano puntato / smisero di giocare, *aspettando* con impazienza *di vedere* come gli sarebbe andata / finita. (C.S.Janovic) (T.Landolfi) (P.Nori) (B.Del Re)

Gli altri giocatori non puntarono / misero le loro carte, *aspettando* con impazienza com'egli l'avrebbe finita / in che modo finisse / com'egli sarebbe finito. (S.Pollerdo) (R.Molteni Grieco) (L.Ginzburg) (Lo Gatto)

Появление в четырех из восьми вариантов перевода пропозиционального глагола *vedere* еще раз подтверждает, что в данном случае следует говорить не о строгом правиле введения дополнительного предиката, а о «норме речи» или о «естественном» синтагматическом построении, типично реализуемом носителями языка, которое, в отличие от других уровней нормативных огра-

ничений, отличается необязательностью (см. Воейкова 2000, с. 289-291).

Рассмотренные глагольные конструкции аналогичны тем, которые А.Вежбицка называет «метатекстовыми», сближая их союзами и частицами, выполняющими сходную функцию, и отмечая, что эти элементы могут выполнять различные задачи в тексте: «они проясняют «семантический узор» основного текста, соединяют различные его элементы, усиливают, скрепляют. Иногда их можно выдернуть, не повредив остального. Иногда – нет» (Вежбицка 1978, с. 421)

С прагматической точки зрения в каждом из двух языков при передаче одного и того же содержания действуют разные приоритетные стратегии (см. Бергельсон, Кибрик 1987). В ходе реализации этих стратегий равноценные элементы смысла упорядочиваются иерархически: одни получают выделенный грамматический статус, другие – периферийный. Как мы постарались показать, в итальянском тексте более «престижный» грамматический статус получают элементы модуса высказывания, которые реализуются в максимально полной, развернутой форме. В русском тексте эти элементы смысла могут частично или полностью редуцироваться, включаться в состав других элементов, присутствовать в виде скрытых смыслов. В формальном плане в итальянском тексте преобладает гипотаксис, элементы текста иерархически организованы. Дополнительный глагол присутствует как строевой элемент даже когда система не требует его присутствия. В русском тексте – элементы чаще равноправны, предпочтение отдается паратаксису. Приоритетную строевую функцию в итальянском тексте выполняют предикаты, связанные с восприятием, мышлением и речью, обозначающие разные взаимосвязанные этапы мыслительно-речевой деятельности человека.

Литература

Апресян Ю.Д. «Ждать» // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. – М., 1997.

Арутюнова Н.Д. Типы модусов. Инверсия модуса и пропозиции // *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. – М., 1999.

Бергельсон М.Б., Кибрик А.Е. Прагматический принцип приоритета и его отражение в грамматике языка // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. – М., 1987.

Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М., 1978.

Войкова М.Д. Вариативность морфологических характеристик предиката в вопросно-ответных единствах // Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. – СПб., 2000.

Гак В.Г. Языковые преобразования. – М., 1998.

Говорухо Р.А. Модус говорения в итальянском языке: между риторикой и грамматикой // Риторика <=> Лингвистика 4. Сб. статей. – Смоленск, 2005.

Говорухо Р.А. Итальянские целевые конструкции с инфинитивом и их русские аналоги // Романская филология. Сборник статей. – М., МГУ, 2007 (в печати).

Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы её представления. – М., 2006.

Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М., 1973.

Падучева Е.В. Выводима ли способность подчинять косвенный вопрос из семантики слова? // Логический анализ языка. Знание и мнение. – М., 1988.

Падучева Е.В. Семантические исследования. – М., 1996.

Herczeg G. Le proposizioni interrogative indirette nella prosa del Novecento // Giulio Herczeg. Saggi linguistici e stilistici. – Firenze, 1972.

Kiefer F. Questions and attitudes // Crossing the boundaries in linguistics. – Dordrecht, 1981.

Govorukho R. Il primo attante in russo e in italiano: aspetti sintattici e pragmatici // Il verbo italiano. Studi diacronici, sincronici, contrastivi, didattici (Atti del XXXV Congresso Internazionale di Studi della SLI), Roma 2003.